На правах рукописи

Завалей Анна Игоревна

ФИЛОСОФИЯ И УНИВЕРСИТЕТ: СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ЗНАНИЯ

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва - 2012

Работа выполнена в Национальном исследовательском университете «Высшая Школа Экономики» на кафедре онтологии, логики и теории познания факультета философии

Научный руководитель: **Куренной Виталий Анатольевич**
кандидат философских наук, доцент,
зав. отделением наук культурологии,
зав.каф. наук о культуре НИУ ВШЭ

Официальные оппоненты: **Филатов Владимир Петрович**
доктор философских наук, профессор,
зав.каф. современных проблем философии
Российского государственного
гуманитарного университета

Сапрыкин Дмитрий Леонидович
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова Российской академии наук

Ведущая организация: сектор социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук

Защита состоится «30» октября 2012 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.048.12 при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» по адресу: 109028, г. Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, ауд. 102.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по адресу: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Автореферат разослан « » сентября 2012г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент Гаспарян Диана Эдиковна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Социально-эпистемологический анализ институциональных форм знания является предметом активно развивающихся в наши дни областей науки – таких как социальная эпистемология и социология знания, а также большого числа более специальных направлений исследований, таких как организационная и (нео)институциональная теория, исследования науки и технологии. Источником этого интереса является следующая основная проблема, имеющая принципиальное теоретическое и практическое значение: выявление связи между содержанием, прежде всего, научного знания и материальными, социальными, институциональными и организационными условиями и формами его производства.

Эпистемологическая специфика вышеназванных научных направлений может быть сформулирован следующим образом: поскольку знание производится субъектами, вовлеченными в социальные отношения, то между знанием и социокультурными факторами его производства, воспроизводства и распространения (перечень этих факторов может варьироваться) существуют отношения корреляции и взаимозависимости. В рамках социальной эпистемологии и социологии знания существует множество нюансированных подходов, однако в целях генерализации можно структурировать их по двум основным идеально-типическим направлениям, противостоящим друг другу.

Концептуальным ядром первого направление является представление о том, что знание производиться социальностью, которая – в ряде концепций – детерминирована, в свою очередь, физической (материальной) реальностью. Представителями этого направления являются классические социологи знания К. Маркс и Э. Дюркгейм, Д. Блур, П.Бурдье, Б.Латур, а также представители неоинституционализма – Дж. Мейер, Б. Роуэн, П.Дж. Димаджио, У.В. Пауэлл.

Второе направление предполагает обратную зависимость – знание определяет социальный порядок, а социальность, в свою очередь, может производить физическую реальность (наши модели физической реальности). Эту позицию отстаивают Л. Флек и Т. Кун, П. Бергер и Т. Лукман, а в настоящее время – К. Кнорр-Цетина.

Вышеописанные направления задают рамки множества существующих теорий социальной эпистемологии, что приводит к своеобразному концептуальному тупику: постоянному варьированию указанной типологической оппозиции в обновляющихся понятийно-теоретических конструкциях, без существенного эпистемологического обновления исследовательских стратегий.

Поиск выхода из вышеозначенного концептуального затруднения является актуальной задачей, решение которой позволит определить продуктивность использования той или иной объяснительной модели на основании *исторически-контекстуального эпистемологического преимущества:* существуют такие эпизоды социальной истории знания, когда удовлетворительным является социально-детерминистский подход, тогда как в некоторых случаях продуктивно использовать обратную схему объяснения: знание производит социальность. Под эпистемологическим преимуществом здесь подразумевается использование таких объяснительных теоретических инструментов, которые удовлетворяют стандартным критериям научного знания: непротиворечивости, согласованности, структурированной системности, верифицируемости и фальсифицируемости, а также простоты используемых теоретических построений. Такой подход позволяет избежать риска эпистемологического догматизма – избирательности и даже деформации фактического материала в угоду используемой теоретической конструкции.

Поскольку этот основной тезис работы имеет социально-эпистемологических характер, следует также рефлексивно определить его

собственный статус в рамках классификаций философии науки. Он выражает, во-первых, реалистическую позицию, в соответствии с которой наши теоретические конструкции и методологические приемы суждения должны сообразовываться с предметом исследования, а не наоборот. Во-вторых, он имеет историцистский характер: эпистемологические инструменты должны сообразовываться с исторической изменчивостью социальной и когнитивной реальности, а не подгонять их под свой неизменный схематизм. Следует, впрочем, отметить, что указанная – реалистическая и историцистская – интерпретация нашего основного тезиса не исключает возможность его альтернативной интерпретации, в частности, в терминах сугубо инструменталистского подхода к выбору теоретических средств объяснения – такая интерпретация будет иметь более минималистический характер. Выбор той или иной интерпретации самого этого тезиса зависит от нашей готовности (или неготовности) брать на себя определенный набор эпистемологических обязательств, подлежит отдельному обсуждению и специально не рассматриваются нами – как мета-вопрос – в рамках настоящей работы.

Демонстрация применимости сформулированных теоретических выводов происходит на конкретном историческом материале: случае формирования и последующего институционального воздействия исследовательской модели университета Гумбольдта в контексте истории становления современного институционализированного философского знания.

Выбор данного случая для ситуационного исследования также актуален, поскольку его анализ позволяет лучше понять роль и место философии в современном университете.

Степень разработанности проблемы

Исследование влияния различных социальных факторов на познавательную деятельность имеет длительную научно-философскую

традицию, начатую критикой Ф. Бэконом «идолов познания» и разработкой Р. Декартом эпистемологических критериев достоверности знания, свободных от бремени исторической традиции и социального контекста .

Современные исследования данной проблематики фрагментированы, распадаются на ряд сравнительно обособленных исследовательских программ. Наиболее обобщающим подходом отличаются работы Д. Блура (1991), Р. Коллинза (2002), К. Кнорр-Цетины (1981, 1999) и Б. Латура (2006). Среди отечественных работ данной тематики следует отметить коллективные монографии «Социальная эпистемология: идеи, методы, программы» (под редакцией И.Т. Касавина) и «Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке» (под редакцией В.А. Лекторского, 2009).

В качестве фундаментальных для современной организационной теории работ необходимо указать исследования Дж. Мейера и Б. Роуэна (2006, 2008, 2010), П.Дж. Димаджио и У.В. Пауэлла (2011). Среди отечественных работ можно назвать статью И.В. Павлюткина (2011), посвященную организационным особенностям современного университета.

Если обратится к конкретным исследованиям институциональных структур знания, то в первую очередь необходимо отметить важную для нашей постановки проблемы монографию Ю.А. Шичалина (2000), где институциональный подход используется для анализа формирования жанров античной философской литературы, и значительную работу З.А. Сокулер (2001), анализирующую взаимосвязи генезиса новоевропейской и современной науки и современных научных институтов, существующих в контексте централизованного государства современного типа.

Исследованию немецкой университетской среды XVIII-XX вв. посвящены работы Ф. Рингера (2008) и Мартина Куша (1995, 2000.). Критический анализ современных интерпретаций истории философии с позицией социологии знания предложен В.А. Куренным (2009, 2011).

Формированию и профессионализации как научного знания в целом, так и отдельных научных дисциплин в немецком университете посвящены работы К. Данцигера (1990), В.А. Куренного (2002, 2007) и ставшие классическими работы Д. Бен-Дэвида (1970, 1971, 1972) и Р. Коллинза (1987, 2002).

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются социально-эпистемологические концепции объяснения связи социальных и когнитивных факторов, используемые в современной социологии знания и социальной эпистемологии, а также, в частности, применяемые в анализе истории современной философии.

Предметом исследования являются эспистемологические возможности и ограничения социально-эпистемологических моделей, используемых в социальной эпистемологии, их эпистемологически-продуктивная применимость для объяснения конкретных эпизодов истории философии, а именно, истории немецкой философии XIX в., локализованной в рамках исследовательской модели университета (Гумбольдт-университета).

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертационного исследования является совершенствование теоретических подходов к кейс-анализу институциональных структур знания, путем разрешения сложившегося в социальной эпистемологии своеобразного концептуального тупика, состоящего в варьировании типологической оппозиции «знание производит социальность» vs «социальность производит знание» без существенного обновления исследовательских стратегий. Предложенное решение апробируется в рамках конкретного рассмотрения связи философии и институционально-организационной структуры исследовательского университета (Гумбольдт-университета).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Осуществить критический анализ основных объяснительных моделей, используемых в социальной эпистемологии и социологии знания.

2. На основании проделанного анализа разработать методологические принципы исследования институциональных форм знания в рамках тезиса о ограниченной контекстуальной эпистемологической применимости существующих основных моделей.

3. На основе полученных на сегодняшний день в релевантной исследовательской литературе результатов осуществить ряд выборочных аналитических интервенций в историю организационных форм существования философского знания – Академии Платона, средневекового университета и академий наук Нового времени – с целью показать наличие устойчивой корреляции между когнитивными и институциональными формами существования философского знания.

4. На основе работ Канта, Фихте и Гумбольдта эксплицировать философско-теоретические истоки базисных институциональных принципов университетской реформы Гумбольдта – модели исследовательского университета.

5. Проанализировать последующее влияние организационных структур на содержание философского знания на примере выборочных кейсов из истории немецкой университетской философии.

Методология исследования. Решение поставленных в диссертационном исследовании задач осуществляется на основе методов сравнительного анализа и критики объяснительных моделей, используемых в социальной эпистемологии и социологии знания. Принятые модели исследования апробируются на эмпирическом материале, полученном методами историко-философской реконструкции в определенных методологическими подходами (нео)институциональной и организационной теории рамках.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1. Проанализированы границы применения основных эпистемологических и социологических подходов в изучении социально-культурного контекста производства знания.
2. Предложена эпистемологически-оптимальная модель согласованного использования различных типов объяснительных подходов при анализе конкретных эпизодов истории знания.
3. Предложенная модель апробирована на материале истории современной философии (немецкой философии в рамках исследовательского Гумбольдт-университета).
4. Исследовано влияние когнитивных посылок, сформулированных в немецкой классической философии, на формирование исследовательской модели немецкого университета.
5. Определены основные направления последующей трансформации содержания философского знания под давлением институционально-закрепленных норм производства научного знания в реформированном исследовательском университете.

Положения, выносимые на защиту:

1. В рамках социальной эпистемологии и социологии знания можно выделить два идеально-типических генерализирующих направления, задающих границы множеству теоретических вариаций центрального тезиса о наличии каузальной взаимосвязи между знанием и социокультурными факторами его производства: утверждающих детерминистский приоритет социальных и, напротив, когнитивных факторов.
2. Оба направления имеют ограниченную эпистемологическую применимость и обладают исторически-контекстуальным эпистемологическим

преимуществом, определяемым фактическим историческим предметом исследования.

3. В истории европейского знания существует устойчивая корреляция институционально-организационной формы и господствующими представления о базовых структурных характеристиках моделей знания, принятых в рамках этой институциональной формы. Наличие установленной корреляции не дает эпистемологического преимущества ни одному из двух основных выделенных направлений ее объяснения.

4. В истории современной философии можно выделить эпизоды определяющего влияния когнитивных представлений на учреждение его новых институциональных и организационных форм существования и воспроизводства (Гумбольдтовская модель исследовательского университета).

5. В истории современной философии можно выделить эпизоды определяющего влияния институциональных факторов на формирование базовых содержательных особенностей философских исследовательских программ.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в критическом анализе основных объяснительных направлений в социальной эпистемологии, прежде всего – конструктивистских и неоинституциональных подходов, недостаточно включенных в российский научных оборот, обосновании и апробации новой модели их использования в научно-исследовательской работе.

Практическая значимость работы состоит в том, что её материалы могут применятся при подготовке как к общего курса по эпистемологии и теории познания, так и спецкурсов по развитию современной истории философии (результаты диссертации были использованы при подготовке и чтении курса «Институциональная история философского знания» для направления

030100.62 «Философия» подготовки магистра на факультете философии НИУ ВШЭ), а также служить материалом для работ по социальной истории знания. Выводы работы могут послужить основой дальнейших исследований институтов знания и роли философии в их формировании, а также для расширения экспертной базы знания для решения прикладных задач с сфере управления высшим образованием.

Апробация работы. Результаты работы представлены в статьях общим объемом 6 п.л.

Отдельные положения и выводы диссертации нашли свое отражение в выступлениях автора на

1) Международной научной конференции «Философские проблемы образования: университетская система в России, Франции и Германии», 24 апреля 2008 г., ГУ-ВШЭ и университет Париж-IV Сорбонна, доклад «Философские предпосылки исследовательского «университета Гумбольдта»;

2) VII Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», 18–20 ноября 2010 г., Московский гуманитарный университет, доклад «Кризис исследовательского университета: от bildung к excellence»;

3) Межвузовской конференции «Философия свободы», 14-15 июня 2011 г., НИУ-ВШЭ, Московский Философский Колледж, доклад «Новый смысл старых понятий: академическая свобода и автономия университета»;

4) Всероссийской конференции «Языки общественных наук: философия и социология в поисках взаимодействия», 18-19 ноября 2011 г., РАНХиГС, доклад «Языки описания институциональных форм знания».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Первая глава содержит семь подглав,

вторая глава состоит из четырех подглав, в третьей главе насчитывается шесть подглав.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность обращения к анализу основных современных объяснительных стратегий в области социальной эпистемологии, освещается степень разработанности данной темы в отечественной и зарубежной философской литературе, определяются объект и предмет исследования, излагаются цели, задачи и методологические основания работы, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

Первая глава «Основные концептуальные направления в социальной эпистемологии» посвящена анализу основных современных направлений в социальной эпистемологии, их типологии и теоретико-познавательной критике.

В **первой подглаве «Формирование основных направлений в социальной эпистемологии»** выделяются два генерализированных концептуальных направления.

Концептуальным ядром первого направления является представление о том, что знание производиться социальностью, которая – в ряде концепций – детерминирована, в свою очередь, физической (материальной) реальностью. Представителями этого направления являются К. Маркс и Э. Дюркгейм, Д. Блур, П.Бурдье, Б.Латур, а также представители неоинституционализма – Дж. Мейер, Б. Роуэн, П.Дж. Димаджио, У.В. Пауэлл.

Второе направление предполагает обратную зависимость – знание определяет социальный порядок, а социальность, в свою очередь, может производить физическую реальность (наши модели физической реальности). Эту позицию отстаивают Л. Флек и Т. Кун, П. Бергер и Т. Лукман, а в настоящее время – К. Кнорр-Цетина.

Вышеописанные направления задают рамки множества существующих теорий социальной эпистемологии, что приводит к своеобразному концептуальному тупику, постоянному варьированию указанной типологической оппозиции в обновляющихся понятийно-теоретических конструкциях без существенного эпистемологического обновления исследовательских стратегий.

Для преодоления указанного концептуального тупика следует ограничить оба направления в своих обобщающих притязаниях. Поскольку каждый из подходов имеет «контекстуальное эпистемологическое преимущество», то выбор той или иной стратегии объяснения определяется конкретно-историческим материалом социально-эпистемологического исследований.

Вторая подглава «Возникновение конструктивистской парадигмы» посвящена генезису конструктивистского направления в социальной эпистемологии, анализу ставшей классической работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» и выделению установок, позволяющих отнести конкретного автора к вышеназванному направлению.

Установлено, что такими установками могут служить:

- критическая позиция по отношению знанию, считающемуся доказанным;
- признание исторического и культурного разнообразия;
- знание понимается как поддерживаемое социальным процессом;
- знание и социальное действие рассматриваются в совокупности.

В своей классической работе по социальной эпистемологии и социологии знания Бергер и Лукман утверждают, что любое знание причинно обусловлено различными социальными факторами. Содержание этого знания, включая и доминирующие общественные соглашения или консенсусы, является независимым как от некоей бесконечной иерархии предустановленных истин, так и от стандартов рациональности, которые сами по себе соотносятся с социальными установлениями. Детерминированность знания проистекает из

законов, указывающих на каузальный и социально детерминированный характер когнитивных процессов. Эти законы показывают, каким образом различные социальные факторы – классовые интересы или властные иерархии – продуцируют социальное познание.

Именно каузальный характер связи между социальными факторами и принятыми в обществе концепциями отличает теорию Бергера и Лукмана от гегельянской и марксистской традиции. С точки зрения Бергера и Лукмана, социальная реальность порождена актуальными и превалирующими в данном обществе мыслительными привычками, поддающимися эмпирическому обнаружению. В свою очередь эти мыслительные привычки являются продуктом социальных институтов, действующих в данном обществе.

Два ключевых момента отличают теорию знания Бергера и Лукмана от большинства современных конструктивистских теорий. Во-первых, позиция Бергера и Лукмана может быть соотнесена с позицией критического реализма [Barbour 1974]: потенциально любое человеческое знание является истинным, но любая достигнутая истина носит частичный характер. Во-вторых, предметом рассмотрения являются те знания, которые членами общества рассматриваются как истинные.

В **третьей подглаве «Сильная конструктивистская программа»** анализируется символическое ядро новой конструктивистской программы – «сильная программа социологии знания» Дэвида Блура.

Блур выступает против двух классических позиций, которые обозначаются им как телеологическая (истинные представления не требуют объяснения) и эмпирическая (истинные представления требуют объяснений, но особого рода объяснений, отличающихся от объяснений ложных представлений). Переформулируя переформулировал традиционную дихотомию «знание – мнение», Блур рассматривает в качестве знания все то, «что человек за него принимает». Знание – это «институционализированные

представления или представления, облеченные авторитетом тех или иных социальных групп». Таким образом, исследование знания должно состоять в исследовании связей между всем тем, что считается знанием в определенной культуре, и социальными характеристиками этой культуры.

В **четвертой подглаве «Критика конструктивизма»** разбираются аргументы наиболее влиятельных современных критиков конструктивистской программы – Яна Хакинга и Пола Богосяна. Однако если книга Яна Хакинга «Социальный конструктивизм чего?» в большей степени посвящена конструктивистским установкам в различных гуманитарных областях, то работа Поля Богосяна «Страх знания» рассматривает общие эпистемические проблемы конструктивистской программы.

Острие критики П. Богосяна направлено против доктрины «равной ценности», т.е. против принципа симметричности Д. Блура. По мнению Богосяна, конструктивистская программа основывается на двух установках: метафизической и эпистемологической. Первая касается реальности существования объектов знания, каковая, согласно конструктивисткой программе, может быть только социальной. Вторая установка характеризирует процедуры легитимации знания как чисто социальные и прагматические.

Как полагает П. Богосяна, хотя и невозможно говорить о том, что все факты жизненного мира являются объективными, однако существует такие факты, существование которых универсально и не зависит от человеческих представлений.

Очевидно, что метафизическая конструктивистская установка влечет за собой по крайней мере три проблемы: проблему причинности (как возможно, что объекты, физическое существование которых началось задолго до возникновения языка, зависят от человеческого существования?), проблему концептуальной правомочности (даже если предположить, что факты естественнонаучных дисциплин существуют ровно столько, сколько язык их

описания, не предполагает ли само понятие факта его независимого существования от языка описания?) и проблему противоречия (как возможно одновременное существование двух истинностных, но противоречащих описаний одной реальности?).

Аргументы конструктивистов, по мнению Богосяна, не могут решить проблемы причинности, поскольку из утверждения о социальном характере процесса принятия описательной схемы не вытекает тезиса о дескриптивной зависимости самой реальности.

Отрицая наличие абсолютных критериев истинности, конструктивисты утверждают, что процедуры легитимации той или иной эпистемической системы носят исключительно социальный характер. Используя традиционный аргумент против подобной позиции, Богосян указывает на её самопротиворечивость.

Отсутствие эпистемических критериев истинности делает, по мнению Богосяна, невозможным сравнение различных эпистемических систем, а следовательно, невозможно определить и тот нормативный авторитет, который заставляет принимать ту или иную эпистемическую систему.

Стоит отметить, что критикуя конструктивистскую программу за алогичность, Богосян сам допускает в своих аргументах порочный круг: он объясняет невозможность фактологического релятивизма наличием абсолютных критериев истинности, а существованием абсолютных эпистемических фактов доказательства подтверждает, в свою очередь, существование фактов реальности.

Кроме того, для Богосяна процесс доказательства истинности того или иного факта означает автоматическое признание этого факта в качестве знания и включения его в эпистемическую систему. Очевидно, что доказательство истинности факта и его признание в качестве истинного – не одномоментный процесс. С конструктивистской точки зрения, признание тех или иных доводов

рациональными происходит благодаря процессу соотношения доказательства с принятыми в данной эпистемической системе критериями рациональности, а не с «реальным положением дел». Таким образом, традиционный аргумент против эпистемического релятивизма вовсе не доказывает самопротиворечивость последнего. Убеждающая сила теории зависит не только от логичности её доказательств, но и от социальных позиций экспертов, эту теорию оспаривающих.

Наконец, Богосян приходит к закономерному выводу о возможности признать истинной в конкретных обстоятельствах лишь одну эпистемическую систему. Действительно, эпистемическая система может считаться объективно доказанной в рамках некого сообщества, однако эта объективность достигается благодаря наличию практических целей сообщества. Предел дурной бесконечности, которая, по мнению Богосяна, угрожает любому релятивистскому высказыванию, положен практической необходимостью оперировать понятиями эпистемической системы, а не законами логики.

В **пятой подглаве «Теория эпистемических культур К. Кнорр-Цетины»** анализируется одна из наиболее влиятельных современных конструктивистских теорий – теория эпистемических культур К. Кнорр-Цетины.

При изучении эпистемических культур Кнорр-Цетина делает упор на конструирование машинерии знания. Опираясь на исследования Г.Коллинза и Т.Пинча, показывающих фрагментарность «голема» науки и одновременное сосуществование различных научных методов, Кнорр-Цетина проводит границы эпистемических культур не между естественными науками и науками гуманитарными, но внутри науки как таковой. Различные эпистемические культуры формируют «эпистемический ландшафт, или рынок» независимых эпистемических монополий, создающих необычайно разнообразные продукты

знания. Эпистемические культуры делают возможным слияние объектов природы и социальных контекстов и процессов.

Кнорр-Цетина сосредоточивается на анализе экспертных систем, исследуя объектные отношения, конструирование эпистемических объектов и их референтов, значение «эмпирического» наблюдения и формирование эпистемологического консенсуса. Субъектом эпистемической культуры является не ученый-одиночка, а некая распределенная форма деятельности, включающая сообщество исследователей, объект наблюдения и соединяющий их эксперимент.

И объект, и субъект эпистемической культуры могут одновременно включать как пассивные, так и активные элементы. Эпистемические объекты – это любые объекты научного исследования, которые получают свое определение в процессе исследования. Употребляемые в исследовательском процессе инструменты также могут быть отнесены к эпистемическим объектам, поскольку подвергаются непрерывному процессу доработки и тестирования.

Особое место в эпистемической культуре занимают режимы объектных отношений, помогающие формулировать стратегии эмпирического исследования. Предлагая критерии для разделения позитивного и негативного знания, режимы объектных отношений определяют границы возможного знания.

Следствием определения эпистемической культурой своих субъектов и объектов становится измененная конфигурация отношений между социальным порядком и порядком природным, т.е. создание определенного жизненного мира. Одним из следствий реконфигурации этих отношений современной наукой становится расширение объектцентричного окружения, определяющее идентичность индивида и его социальную интеграцию.

В **шестой подглаве «Неоинституциональная теория»** анализируется (нео)институциональная теория, широкое распространение которой связано с

отказом от функционалистской и марксистской моделей социальных и организационных действий, в которой относительно автономные акторы действуют абсолютно рационально для достижения своих целей.

Следуя Бергеру и Лукману, приверженцы неоинституционализма рассматривают институты содержательно, как интернализированные практики и смыслы. Описанные Бергером и Лукманом институциональные процессы – хабитуализация, объективация, реификация – существуют не только на уровне индивидуальных акторов, но и на уровне организационных полей.

Успешность процесса институциализации зависит от совокупного эффекта нескольких причин: относительно низкого сопротивления оппозиционных групп, продолжительной культурной поддержки и лоббирования заинтересованных групп, а также от наличия позитивной корреляции с желаемыми результатами.

Таким образом, возникновение институтов и их существование связано не только с рациональным выбором и стратегиями эффективности, но и с представлениями о легитимности, нормальности и рутинизированной практикой.

В постиндустриальном обществе, по мнению приверженцев (нео)институциональной теории, организации возникают в сильно институализированных средах, что вынуждает их встраивать практики и процедуры, заранее заданные преобладающими представлениями о рациональности, а также использовать внешние критерии оценивания своей деятельности. Поступая подобным образом, организации повышают свою собственную легитимность. Таким образом, формальные структуры многих организаций отражают мифы их институциональных сред, а не реальные требования эффективности.

Седьмая **подглава «Выводы»** подводить итог первой части исследования. На основании проведенного рассмотрения двух выделенных генерализованных

направлений сделан вывод о желательности использовании при анализе институциональных форма знания такого критерия как *контекстуальное эпистемологическое преимущество.*

Вторая глава «Основные модели институциональных форм знания: исторический обзор» посвящена исследованию важнейших институциональных структур в истории философского (и шире – научного) знания – Академии Платона, средневековому университету и научным академиям Нового времени.

С опорой на существующие исследования в этой области (прежде всего, работы Ю. Шичалина, З. Сокулер) демонстрируется обоснованность тезиса о наличии устойчивой корреляции между институциональной формой и рядом базовых характеристик философского знания данной эпохи.

В **первой подглаве «Академия Платона»** рассматривается феномен возникновения первого института философского знания в европейской цивилизации.

Возникшая в пифогореизме как религиозное почитание наиболее авторитетных стихотворных текстов, философия в процессе своей институциализации становится наименованием всякого рационального знания, вмещающим всю возможную иерархию научных дисциплин. Кроме того, возникает особая институция, в рамках которой философия только и может развиваться – философская школа, основными элементами которой становятся структура «предмет обучения – обучающий – учащийся»; особые литературные жанры, отражающие дисциплинарное и методологическое разнообразие предметов обучения; и диспут как способ обучения.

Во **второй подглаве «Средневековый университет»** анализируется институциональная структура средневекового университета. В содержательном плане средневековый университет во многом наследовал Античности, а его институциональная структура представляла собой несомненное новшество. В

отличие от античных школ средневековый универеистет появился в крайне насыщенной социальной среде: поскольку познание в corpus christianorum было неразрывно связано с заботой о душе и спасении, то воспитание и образование постепенно перестало быть частным делом каждого, превратившись в предмет попечения Церкви и государства.

Давление папской и светской властей, а также конкуренция церковных и соборных школ вынуждали университетскую корпорацию определять свое место в социальной иерархии. В отличие от античной школы как пространства проведения досуга, университет становится местом труда и профессии.

Другой характерной особенностью средневекового университета является его демократичный характер: не только большинство административных должностей были выборными, но и сам процесс обучения и получения степеней зависел от коллегиальных решений.

Наконец, модель обучения в средневековом университете (обязательное преподавание грамматики, риторики и логики; комментирование текстов и ведение диспутов) способствовала развитию средневековой схоластики. Если в Академии развитие литературных жанров служило примером корреляции между институциональной формой и её научным содержани-ем, то в средневековом университете таким примером являлась методология обучения.

В **третьей подглаве «Научные общества Нового времени»** рассматривается такие институты знания как научные общества Нового времени (Лондонское королевское общество и Парижская академия наук), в чьей структуре нашли свое отражение идеи экспериментальной натурфилософии.

Институциональная структура Лондонского королевского общества соответствовала принятым в то время познавательным установкам на эксперимент, а научная деятельность Общества способствовала закреплению взгляда на опыт как инструмент получения достоверного знания, в отличие от необоснованных философских построений. Стремясь избежать теологических и

политических споров, угрожающих расколом и конфликтом с властями, члены Общества придерживались концепции чисто экспериментальных исследований, несмотря на противоречивость и недостоверность полученных опытных данных.

С созданием Парижской академии наук, как и Лондонского королевского общества, был претворен в жизнь проект «экспериментальной философии». Однако эта институциональная структура формировалась не столько под влиянием внутренних тенденций науки, сколько под воздействием внешних факторов, таких как установление контроля королевской власти над интеллектуальной сферой. В свою очередь Академия как институциональная структура повлияла на дальнейшее развитие науки – закрепила разделение естественнонаучных и гуманитарных дисциплин и утвердила процедуру верификации наблюдений.

В **четвертой подглаве «Выводы»** подводит итог второй главе. Проведенный во второй главе исторический обзор основных институциональных форм знания показал, что содержание философских традиций неотделимо от тех институциональных структур, в рамках которых они формировались.

В **третьей главе «Модель исследовательского университета Гумбольдта и её эпистемологические предпосылки»** сформулированные в первой главе теоретические выводы применяются для анализа случая формирования и последующего институционального воздействия исследовательской модели университета Гумбольдта в контексте истории становления современного институционализированного философского знания.

В **первой подглаве «Немецкая университетская революция»** посвящена введению в анализ генезиса исследовательского университета Гумбольдта. В настоящее время термин «исследовательский университет» широко используется при классификации высших учебных заведений и

занимает прочное место в терминологии сферы образования. Проект исследовательского университета прочно связан с именем Вильгельма фон Гумбольдта. Берлинский университет Фридриха Вильгельма, основанный в 1808 г., стал моделью немецкого университета XIX-XX вв., вплоть до реформ 60-х гг. XX в.

При ретроспективном взгляде реорганизация структуры средневекового университета по модели Гумбольдта кажется закономерной, однако в конце XVIII в. речь велась о полном упразднении университета как института знания, место которого могли занять уже существующие академии наук и новые практические профессиональные школы.

Университет, в особенности теологический и философский факультеты подвергался постоянному давлению: светские интеллектуалы, разделявшие рационалистическую идеологию Просвещения, критиковали университет за приверженность схоластическим теориям; государство стремилось поставить под контроль университетское образование; средний класс, преследовавший исключительно утилитарные образовательные цели, был недоволен слабой связью университетских программ с реальными рабочими позициями.

В этой ситуации поддержку университету как образовательной и научной институции оказала философия идеализма, претендовавшая на способность выводить из принципов, выявленных в Абсолюте, законы, управляющие эмпирическим миром. В свою очередь, интерес идеалистов к реформированию университета был вызвал их социальным положением.

Обосновав притязания философии на интеллектуальное превосходство над теологией и естественнонаучными дисциплинами, немецкие идеалисты оправдали существование такой образовательной структуры как университет. В то же время само существование философии зависело от выживания университета: именно университетская структура создала структурные стимулы к творчеству – ученые иерархии, публичный диспут, защиту диссертации и

конкуренцию за студентов. Вне университета, философ превращается в литературного или политического интеллектуала, незаинтересованного в глубокой разработке абстрактных метафизических проблем.

Во **второй подглаве «Проект университета Канта»** рассматривается университетский проект Канта, представляющий собой некий утопический проект: государство разума должно дать образование человечеству, тогда как основание подобному государству может положить только образованное человечество. Кант, основывая университет на идее разума, наделяет его следующими функциями: а) обеспечение прогресса человечества через прогресс знаний и легализацию морали; б) обеспечение гражданской социализации. Объединяя две эти функции в одной, подчиненной правительству институции, Кант делает возможным их слияние – представление о первой цели лишь как о продолжении второй, – что влечет за собой подмену власти автономного разума властью правительственной.

В **третьей подглаве «Проект университета Фихте»** анализируется проект реформированного университета, предложенный Фихте. Основной функцией университета, по мнению Фихте, является прагматическая функция образования будущих чиновников, что сближает его с моделью Императорского университета, учрежденного Наполеоном. Фихтеанский университет укоренен в государстве – цели этих институций совпадают уже в настоящее время. Государство обеспечивает материальную свободу университета и контролирует воспитание студентов. Кроме того, университет этнически укоренен именно в прусском государстве: прусский университет существует именно для родины. Наконец, университет образован по принципу монашеского ордена, что сближает его с современными Фихте университетами Англии.

Проблема прогресса естественнонаучных дисциплин волнует Фихте гораздо меньше, чем вопрос об условиях прогресса нравственности народа. Университет в большей степени является воспитательным, а не научным

заведением. Фихте создает образовательную структуру, которая трансформирует понятие Bildung просто в педагогическую теорию с заранее определенным патриотическим содержанием.

В **четвертой подглаве «Проект университета Шлейермахера»** рассматривается образовательная концепция и проект университетских реформ Ф. Шлейермахера. Центральными понятиями в образовательной концепции Шлейермахера выступают «религиозный опыт» (Anschauung) и «религиозный смысл» (Sinn). Конечная цель процесса образования (Bildung) состоит в достижении высшего своеобразия духовного образования (Eigenheit der Bildung) при сохранении чувства «духовной общности» (geistiger Gemeinschaft). Институциональной структурой, в рамках которой процесс духовного образования может быть осуществлен, является университет. Именно ему принадлежит почетная роль порождения и воспитания философского отношения к науке, заключающегося в стремлении видеть единые и взаимосогласованные принципы, лежащие в основании любой научной деятельности.

В **пятой подглаве «Проект университета Гумбольдта»** рассматривается созданный Гумбольдтом Устав реформированного Берлинского университета. Гумбольдт пытается создать сбалансированную систему, отвечающую интересам как «чистой идеи науки» («объективной науки»), так и государства («субъективного образования» (subjective Bildung)). Сущность высших научных заведений состоит в развитии духовной жизни людей, которых досуг или внутреннее стремление приводят к науке и исследованию. Гумбольдт подчеркивает, что для обучения в университете предлагается учебный материал, не специально подобранный, но по самой своей природе пригодный для духовного и нравственного образования. Таким образом, постижение всей совокупности знаний, несоизмеримых с индивидуальной способностью понимания, заменяется изучением сущностного

единства знания, легитимирующего и организующего все знание в целом. Роль университета в государстве не ограничивается функцией гражданской социализации, которую призван был исполнять университет Канта.

Университет должен был принять на себя опосредующую, культурную функцию, возложенную на неё государством: поиск объективного культурного смысла государства как исторической величины и одновременно субъективное нравственное воспитание граждан-субъектов как потенциальных носителей этой идентичности. Связь между государством и университетом становится гораздо крепче, так как основание университета – культура – не является больше трансцендентным для государства. Проект университета Гумбольдта выглядит как дополнение к государственному аппарату, как институт диалога с властью. Между тем социальная функция университета не ограничивается образованием будущих служащих государства. Университет и власть тесно связаны единым конституирующим элементом – национально укорененной культурой. Таким образом, естественной функцией университета становится формирование национальной идентичности.

В **шестой подглаве «Университет Гумбольдта»** рассматривается институционализированные эпистемические нормы, характеризующие структуру реформированного университета, и детерминирующие когнитивные рамки институционализированной философии.

Три основных признака характеризуют реформированный университет: принцип единства исследования и преподавания (die Einheit von Forschung und Lehre); принцип академической свободы: свободы преподавать (Lehrfreiheit) и свободы учиться (Lernfreitheit); принцип главенства философского факультета.

Выбор именно институциональной структуры университета был обусловлен распространением философии идеализма, претендовавшей на обоснование всей возможной совокупности знаний, а следовательно, и на главенство над национальной культурой и процессами её развития.

Философская легитимация университета определяла структуру не только внешних связей с другими социальными институтами (прежде всего с государством), но и внутренних связей как между различными факультетами, так и внутри самого факультета философии, диктуя представления о возможных основаниях знания и динамике его развития. Претензия философии на обоснование границ и формулирование дидактических выводов всех возможных наук обращалась с развитием естественнонаучной специализации против неё самой: поскольку представлялось, что естественнонаучные дисциплины, выработав единый язык и единую эпистемологическую основу, решили проблему конфронтации различных теорий и сосредоточились на кумулятивном накоплении знаний, то философия должна была отвечать требованию строгой науки.

Таким образом под влиянием институциональной структуры философия теряет своё привилегированное положение судьи наук и вынуждена ориентироваться на образец, предоставляемый естественнонаучными дисциплинами. Результатом этого процесса становится формирование различных философских дисциплин (философия как теория науки, философия как история философии) и институциональное деление философского факультета, ярким примером которого является психологическая лаборатория В. Вундта.

Таким образом, комплексность такой институциональной структуры как университет Гумбольдта не может быть эпистемологически релевантным образом объяснена с помощью какой-то одной стратегии социологии знания. При анализе генезиса этой модели более продуктивно использовать вторую модель объяснения (знание производит социальность), тогда как в рамках стабилизировавшейся институциональной структуры эвристически-продуктивным является обращение к социально-детерминистской стратегии объяснения.

В **Заключении** кратко излагаются основные выводы каждой главы диссертационного исследования. В рамках социальной эпистемологии и социологии знания можно выделить два генерализирующих направления, определяющих множество теоретических вариаций центрального тезиса о наличии устойчивой корреляции между знанием и социокультурными факторами его производства. Эпистемологически продуктивным является ограничение доктринальных притязаний двух названных подходов. Продуктивность использования той или иной объяснительной модели имеет исторически-контекстуальное эпистемологическое преимущество: существуют такие эпизоды социальной истории знания, когда удовлетворительным является социально-детерминистский подход, тогда как в некоторых случаях продуктивно использовать обратную схему объяснения: знание производит социальность.

Основная систематическая и теоретическая аргументация настоящей работы апробируется на историческом материале реформированного Берлинского университета. Появление в начале XIX в. университета Гумбольдта демонстрирует, каким образом интеллектуальная традиция, представленная текстами Канта, Фихте, Шлейермахера, и сформированные ею модели эпистемологической достоверности знания влияли на институциональные нормы и структуру реформированного университета. В свою очередь, организационные нормы реформированного университета начинают оказывать систематическое давление на содержание немецкой философии XIX в. – в виде требования философии как строгой науки, обладающей исторической преемственностью и интерсубъективной значимостью, что влечет за собой появление новых философских исследовательских программ, стремящихся удовлетворять социально-организационным требованиям среды своего существования и развертывания.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Завалей А.И. Философские предпосылки исследовательского «университета Гумбольдта» // Философские науки. – 2008. – №11. – С. 51–59. – 0,8 п.л.
2. Завалей А.И. Liberal Arts в современном университете // Высшее образование в России. – 2011. – №7. – С. 152–156. – 0,5 п.л.

Статьи, опубликованные в прочих изданиях:

1. Завалей А.И. Исследовательский университет: философские предпосылки формирования и современное состояние. – М.: ФИРО, 2007. – 56 с. – 2 п.л.
2. Завалей А.И. Кризис исследовательского университета: от bildung к excellence // Высшее образование для XXI века: VII международная научная конференция. Доклады и материалы. – 2010. – № 1. – С. 54–66. – 0,9 п.л.
3. Завалей А.И. Новый смысл старых понятий: академическая свобода и автономия университета // Философия свободы. – М.: Алетейя. – 2011. – С. 271-282. – 0,8 п.л.

Лицензия ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать « » _____ 2012г. Формат 60х84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. Печ. Л 1

Тираж 100 экз. Заказ №____

Типография издательства НИУ ВШЭ
125319, г. Москва, Кочновский пр-д, д. 3